

К вопросу о философском значении термина «конфликтный паттерн»

Б. В. Кабылинский✉

Финансовая академия, Нур-Султан, Казахстан

✉boris_kabylinский@mail.com

Введение. В центре внимания автора – философское постижение сущности паттерна и оценка возможностей для интеграции данного понятия в систему научного знания. Ввиду обширности исследуемой темы предметное поле в статье намеренно редуцируется до рамок конфликтного бытия. Аргументируется тезис о том, что паттерны не только артикулируют возможные условия ликвидации остроты конфликтного бытия, но также указывают на эмпирическую вероятность многократного использования алгоритмов, нацеленных на гармонизацию соприсутствия Я и Другого. Научная актуальность состоит в уточнении границ применения термина «паттерн» в системе философского знания. Научная новизна данного материала состоит в авторской проработке аксиологических компонентов паттерна в философском ракурсе.

Методология и источники. Методологически работа базируется на философских текстах по тематике паттернов (Б. Гертцель, Е. Бронфен, А. Бенжамен), моделирования, научного инструментария, феноменологии Гуссерля и Хайдеггера.

Результаты и обсуждение. Паттерн понимается как систематическое повторение элементов конфликтной реальности, происходящее с онтологической необходимостью вне зависимости от вариативных особенностей бытия-в-конflikте. Интеграция паттернов в эпистемологическую сетку позволяет добиться более симметричного расположения элементов в системе философского знания о конфликте. Автор анализирует паттерны в пространстве и времени с учетом аксиологической составляющей в конфликтном ракурсе. Логическим итогом размышления в рамках статьи является определение паттерна с философской точки зрения, формулирование вывода о роли паттернов в структуре конфликтного бытия и уточнение экзистенциальных характеристик конфликтного бытия, отражающихся в паттернах.

Заключение. Философская специфика конфликтного паттерна состоит в онтологической фиксации противоестественного состояния Я и Другого по отношению к исходному пребыванию в обоюдной гармонии. В связи с этим эпистемология конфликта приобретает возможности для качественного обновления структуры знания о методиках различия экзистенциальных механизмов существования Я и Другого. Поэтому характерные искажения гармоничных модусов я-в-конфликтности можно обнаружить в соответствующих паттернах.

Ключевые слова: паттерн, конфликт, дискурс, конфликтная реальность.

Для цитирования: Кабылинский Б. В. К вопросу о философском значении термина «конфликтный паттерн» // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 39–45. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-39-45

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.07.2020; принята после рецензирования 31.08.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

© Кабылинский Б. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On the Philosophic Meaning of the “Conflict Pattern” Term

Boris V. Kabylnskii✉

Financial Academy, Nur-Sultan, Kazakhstan

✉boris_kabylnskiy@mail.com

Introduction. Socio-philosophical research of the patterns of conflict being in modern discourse needs to be clarified from the perspective of ontology. The conflict specificity of closed society from an ideological perspective makes it possible to discover the ontological foundations of self-conflict-being. For the purpose of empirical reinforcement of conflict research, the relationship between conflict and ideology needs to be discovered in specific cases. North Korean sociocultural realities are among the most visible forms of closed society in modern discourse and provide wide opportunities for understanding the conflict reality modeled by ideological instruments of influence on mass consciousness.

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on philosophical texts on the themes of patterns, modeling, scientific instrumentation, the phenomenology of Husserl and Heidegger.

Results and discussion. The pattern is understood as a systematic repetition of elements in conflict reality that occurs with ontological necessity, regardless of the variable features of being-in-conflict. The integration of patterns into the epistemological grid allows us to achieve a more symmetrical arrangement of elements in the system of philosophical knowledge of the conflict. The author analyzes patterns in space and time taking into account the axiological component in a conflict angle.

Conclusion. The philosophical specificity of the conflict pattern consists in the ontological fixation of the perverted nature of Self and Other in relation to the initial stay in mutual harmony. In this regard, the epistemology of conflict acquires the opportunity to qualitatively update the structure of knowledge about the methods of difference between the existential mechanisms of existence of the Self and the Other. Therefore, characteristic distortions of harmonious moduses of i-in-conflict can be found in the corresponding patterns.

Keywords: pattern, conflict, discourse, conflict reality.

For citation: Kabylnskii B. V. On the Philosophic Meaning of the “Conflict Pattern” Term. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 39–45. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-39-45 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.07.2020; adopted after review 31.08.2020; published online 26.10.2020

Введение. Философское рассуждение о паттерне необходимо предварить вводными методологическими замечаниями. В частности, необходимо различать значения понятий «паттерн», «модель», «шаблон» и «алгоритм» в онтологическом ракурсе исследования. Во-первых, следует четко определить предметное поле размышления о паттерне ввиду чрезвычайно обширного философского смысла, относящегося к этому понятию. Во-вторых, этимология слова «паттерн» указывает на первоочередность решения теоретической задачи по определению содержательных горизонтов данного термина. По нашему мнению, актуально и перспективно рассматривать паттерн в рамках философии конфликта. В этом случае эвристическая ценность термина «паттерн» в том, что это понятие может располагаться в эпистемологической сетке философского знания о конфликте посередине между практическими руководствами по нейтрализации конфликтного соприсутствия и фунда-

ментальными основами исследования конфликтного бытия. Соответственно обоснованность введения термина «паттерн» в понятийный аппарат системы философского знания о конфликте состоит в том, что паттерны не только артикулируют возможные условия ликвидации остроты конфликтного бытия, но также указывают на эмпирическую вероятность многократного использования алгоритмов, нацеленных на гармонизацию соприсутствия Я и Другого. В соответствии с данной логикой функциональное предназначение паттернов для эпистемологии конфликта заключается в том, чтобы выполнить роль связующего звена в структуре расположения элементов системы философского знания о теоретических и практических аспектах феномена «конфликт».

Методология и источники. Определившись с предметным полем исследования, необходимо четко разграничить значение термина «паттерн» и смежных понятий «модель», «шаблон», «алгоритм». С этой целью необходимо аккумулировать потенциал отечественных и зарубежных методологических исследований, в частности, классические работы В. Штоффа и И. Лакатоса, А. Пригожина, а также современные труды Н. Юлиной, С. Рапаича и т. д.

Основываясь на выводах названных ученых, справедливо утверждать, что модель конфликтной реальности является проявлением мысленно представляемой или материально реализованной системы, которая в ходе отображения или воспроизведения объекта исследования способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте [1, с. 19]. С онтологической точки зрения, термин «модель» указывает на то, что конфликтующие субъекты соприсутствуют в упрощенной реальности, где не увеличиваются исходные значения показателей сходства и различия между объектами. Соответственно, в моделях конфликтной реальности копируются предметы духовной или материальной природы, и при необходимости происходит замещение вещей, а также поведенческих модальностей на аналогичные данности. Иными словами, модель конфликтной реальности редуцирует до минимального значения многообразие индивидуального и коллективного опыта пребывания в повседневном конфликтном бытии. Эпистемологическая ценность моделирования в теории конфликта обнаруживается на эмпирическом уровне воспроизведения результатов, ранее достигнутых в ходе конфликтного соприсутствия Я и Другого. При этом моделируемая конфликтная реальность не учитывает возможности развития альтернативных сценариев негативного соприсутствия Я и Другого. Напротив, паттерн имеет дело не с категориями реального и кажущегося для я-в-конфликтности, а выражает закон повторяемости явлений конфликтного бытия. В связи с этим представляется справедливым утверждать, что сущностные характеристики термина «паттерн» экзистенциально сопряжены с закономерностями конфликтного соприсутствия в различных культурных вариациях. Заметим, что воспроизведение конфликтных реалий, отражающееся в паттернах, периодически обнаруживает расхождения с изначальными культурно-антропологическими модусами, хотя при этом ритмические колебания не выходят за рамки исходного эпистемологического контура.

Различие терминов «паттерн», «шаблон» и «алгоритм» для философии конфликта состоит в том, что шаблон предполагает воссоздание одинаковых объектов, в то время как паттерн отражает не идентичные, а схожие проявления конфликтного бытия в различных культурных вариациях. Соответственно, понятие «алгоритм» относится к практическому

полю деятельности и указывает на возможности нейтрализации конфликтной ситуации в соответствии с наличествующими субъективными представлениями о вариантах гармонизации негативного соприсутствия Я и Другого. В этом плане термины «алгоритм» и «эпистемологическая программа разрешения конфликтов» обнаруживают коррелятивное соотношение [2].

Результаты и обсуждение. Паттерн можно определить как систематическое повторение элементов конфликтной реальности, происходящее с онтологической необходимостью вне зависимости от вариативных особенностей бытия-в-конflikте. Паттерны убедительно свидетельствуют в пользу онтологической устойчивости конфликтной реальности, так как позволяют обнаружить в основаниях повседневного бытия аподиктические характеристики, не подверженные изменениям на фоне периодического обновления эпистемологической структуры. Ноэтическая интерпретация паттерна предполагает соединение в единой точке пространственных и временных координат, приобретающих в данном синтезе упорядоченность и целостность. Соответственно в ноэтическом смысле паттерн размыкается в рамках опосредованной рефлексии, захватывающей в темпоральности конфликта для-себя-бытие. Поскольку паттерн существует не сам по себе, то его интенциональность выражается в формах организации, присущих конфликтной реальности. При этом интерпретация паттерна не сводится к совокупности элементов и их структурных связей, потому что интеграция разобщенных факторов не наличествует изначально, а привносится в систему самим паттерном, что также создает возможности для прояснения экзистенциальных аспектов конфликтного бытия. Итак, в метафизическом смысле паттерн располагается за границами анархического мироощущения и указывает на возможности философского постижения сущности конфликтного бытия, структурированного в соответствии с иерархическими принципами.

Ключевая философская характеристика термина «паттерн» состоит в непреложном повторении системообразующих элементов конфликтной реальности. В теории конфликта паттерны, по аналогии с точными науками, представляют собой устойчивые закономерности, но в определенных случаях также могут ассоциироваться с классическими принципами самоорганизации [3, с. 35]. Необходимо отметить, что в современной эпистемологии конфликта паттерны нередко рассматриваются с позиций эмпирического опыта и не получают онтологической проработки. В частности, среди наименее исследованных областей философского знания о паттерне обращает на себя внимание проблематика интенциональности. Для теории конфликта очевидно, что паттерны не существуют в изолированной самодостаточности, а указывают на конкретные элементы конфликтной реальности, но эта проблематика нуждается в эпистемологической детализации. В целом приходится констатировать, что игнорирование методологической значимости термина «паттерн» в структуре философского знания провоцирует возрастание актуальности концепций, развивающих идеи о казуальной спонтанности и логической непредсказуемости шансов падения Я и Другого в конфликтную повседневность. Следовательно, в научном дискурсе теории конфликта утверждается идея о низкой степени достоверности прогнозирования относительно динамики развития конфликтной ситуации. Аналогичным образом в культурных вариациях усиливается негативная тенденция и производится критическая оценка перспективы минимизации конфликтного напряжения между Я и Другим [4, с. 41]. Философское

осмысление сущности паттерна открывает возможности экстраполирования принципа организованности за рамки исходного термина с целью оптимизации эпистемологической сетки теории конфликта. Итак, наряду с повторяемостью к фундаментальным характеристикам паттерна относится принцип организованности. Принципиально важно, что по отдельности повторяемость и организованность не являются достаточными онтологическими свидетельствами о наличии паттерна. Импровизации в конфликте всегда отвлекают научно-исследовательское внимание от аналитики закономерностей в негативных взаимоотношениях субъектов. Многогранность и комплексность повседневного соприсутствия Я и Другого в конфликте маскируют паттерны и переставляют научное восприятие на сомнительные основания вроде приверженности идее о случайном характере я-в-конфликтности. Соответственно, онтологическая атрибутивность паттернов не всегда просматривается в конфликтной реальности. В связи с этим принципиально важно не упускать из виду то обстоятельство, что паттерны всегда отражают идентичные тенденции самоорганизации Я и Другого, хотя и в различных повседневных модальностях я-в-конфликтности. Резюмируем: организованность конфликтного бытия отражается в паттернах с онтологической периодичностью, т. е. не только повторяется, но и не может наличествовать альтернативным способом.

Интеграция паттернов в эпистемологическую сетку позволяет добиться более симметричного расположения элементов в системе философского знания о конфликте. Положительное эпистемологическое влияние паттернов в процессе гармонизации сведений о конфликте состоит в том, что их классификация и систематизация повышают степень научной ясности представлений о конфликтном соприсутствии и оптимизируют распределение информации по соответствующим кластерам.

Для философского подхода к изучению конфликтной реальности паттерны являются характерными явлениями в пространстве и времени и нуждаются в эпистемологической систематизации. В экзистенциальном смысле конфликтные паттерны – это ключевые поведенческие характеристики и мотивации субъектов, определяющие статику и динамику конфликтного столкновения. В частности, паттерны фигурируют в отношениях власти, механизмах коммуникации и в социальной иерархии. Например, паттерн оскорбления выражается в том, что Я проявляет неуважение по отношению к Другому в недопустимой форме, выходящей за рамки общепринятой морали. Дефиниции оскорбительности варьируются в зависимости от культурных вариаций, но сам паттерн не претерпевает существенных изменений. Соответственно, паттерны отражают экзистенциальные проявления я-в-конфликтности в зависимости от результатов субъективного выбора Я между формами мирного и враждебного соприсутствия с Другим. Регулярность утвердительного или отрицательного экзистенциального выбора в пользу той или иной поведенческой модальности определяет степень релевантности паттернов или свидетельствует об утрате их актуальности в конфликтной реальности.

В повседневной конфликтной реальности паттерн непосредственно сопрягается с аксиологическими установками. В связи с этим паттерны подразделяются в ценностном выражении на атрибутивные и реляционные. Атрибутивные паттерны преимущественно отражают распределение социальных ролей в конфликтном дискурсе. Реляционные паттерны указывают на возможные трансформации конфликтной реальности, возникающие

по факту рассогласования ценностных стандартов Я и Другого, в том числе на геополитическом уровне [5]. Соответственно, модификации конфликтного бытия затрагивают не только аксиологические ориентиры я-в-конфликтности, но и определяют общую смену курса в ракурсе социокультурного развития. В непрерывности конфликтного бытия Я и Другой утверждают право на существование достоверных ценностей и отказываются от сомнительных аксиологических установок, формируя на эпистемологическом уровне системное представление об эффективности поведенческих установок я-в-конфликтности. Соответственно, данная информационная платформа позволяет формировать парадигму теории конфликта и находить возможности эмпирического использования соответствующей догматики, в том числе для осуществления транзита накопленного знания в ходе обновления эпистемологической сетки. При этом в индивидуальном восприятии конфликтной реальности паттерны, как правило, редуцируются до алгоритмического уровня взаимодействия с оппонентом в ходе обоюдного негативного соприсутствия. Соответственно, паттерны открывают возможности для субъективного постижения сущностных аспектов культуры, в том числе традиционных и альтернативных модальностей. Я и Другой по мере освоения в конфликтной реальности усваивают возрастающее количество паттернов и демонстрируют способности к более глубокому осознанию данной вариации культуры. В нозматическом плане культурное совершенствование субъекта указывает на формирование соответствующей идентичности, а также артикулирует настроенность Я на падение в конфликтную реальность по факту посягательства Другого на принятую Его форму самоидентификации.

Заключение. Можно резюмировать, что философская специфика конфликтного паттерна состоит в онтологической фиксации противоестественности состояния Я и Другого по отношению к исходному пребыванию в обоюдной гармонии. В связи с этим эпистемология конфликта приобретает возможности для качественного обновления структуры знания о методиках различия экзистенциальных механизмов существования Я и Другого. Итак, характерные искажения гармоничных модусов я-в-конфликтности отражаются в соответствующих паттернах. Например, на уровне хайдеггеровского экзистенциала «речь» повышается вероятность лживых высказываний Я и Другого с целью сокрытия и фальсификации собственных намерений в ходе негативного соприсутствия с оппонентом. Для теории конфликта механизмы фальсификации располагаются на более высоких позициях в иерархии профильного знания, поскольку означают фактическое усложнение модальностей, подразумевающих элементарное сокрытие нежелательной информации. Следовательно, паттерны в рамках конфликтной речи отличаются двухуровневой структурой и варьируются в зависимости от экзистенциального выбора Я и Другого в пользу алгоритмов фальсификации или сокрытия контента, имеющего значение при определении вектора негативного соприсутствия. Несомненно, корректирование последствий реализации конфликтных паттернов, использующих механизмы утаивания истины о сущностных аспектах я-в-конфликтности, достигается значительно легче в сравнении с необходимостью устранения дополнительного негативного воздействия фальсификационных инструментов на оппонента в конфликтном соприсутствии. Примечательно, что Я формирует свои предпочтения в области самовыражения и конфликтной речи под воздействием Другого. Соответственно, резкость вызова соперника и его антропологические особенности оказывают

решающее воздействие и устраняют нерешительность я-в-конфликтности. При этом сокрытие истины от соперника в конфликтном паттерне характеризуется многослойностью смыслов и охватывает проявления я-в-конфликтности до встречи с Другим и после размыкания негативного соприсутствия на постконфликтной стадии. Очевидно, что исследование паттернов в философском ракурсе необходимо продолжать и с других позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966.
2. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. И. Веселовского, А. Л. Никифорова. М.: Академический проект, 2008.
3. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.
4. Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015.
5. Рапаич С. Современная онтология и гносеология // Белград: Философский журнал. 2012. Вып. 63. С. 83–105.

Информация об авторе.

Кабылинский Борис Васильевич – кандидат философских наук (2016), проректор по научной работе и международному сотрудничеству Финансовой академии, ул. Есенберлина, д. 25, г. Нур-Султан, 100600, Казахстан. Автор 72 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, феноменология конфликта, современная культура. E-mail: boris_kabylinskiy@mail.ru

REFERENCES

1. Stoff, V.A. (1966), *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and philosophy], Nauka, Moscow, USSR.
2. Lakatos, I. (2008), *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science], Transl. by Veselovskii, I. and Nikiforov, A.L., Academic Project, Moscow, RUS.
3. Prigozhin, A.I. (2003), *Metody razvitiya organizatsii* [Methods of development of organizations], MCFER, Moscow, RUS.
4. Yulina, N.S. (2015), *Ocherki po sovremennoi filosofii soznaniya* [Essays on the modern philosophy of consciousness], Canon+ROOI «Rehabilitation», Moscow, RUS.
5. Rapaich, S. (2012), "Modern ontology and epistemology", *Belgrad: Filosofskii zhurnal* [Belgrade: Philosophical Journal], vol. 63, pp. 83–105.

Information about the author.

Boris V. Kabylinskii – Can. Sci. (Philosophy) (2016), Vice-Rector for Research and International Cooperation, Financial Academy, 25 Esenberlina str., Nur-Sultan 100600, Kazakhstan. The author of 72 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, phenomenology of conflict, modern culture. E-mail: boris_kabylinskiy@mail.com